

Мы были на куникулах в Европе. Сидели в темном парке на скамейке, я сидела у него на коленях, а он медленно целовал меня. Мы сидели так уже давно и я чувствовала его возбужденный член через трусики. Он мог взять меня сейчас же, здесь. Не спрашивая у меня разрешения и желания, как он часто это делал. Но сегодня его целью было возбудить меня, заставить меня стонать от желания. И он это делал. Он медленно и грязно целовал меня, глядя по изгибу шеи, спины, сжимал попу, заставляя томно вздыхать. От него пахло летом и дорогим парфюмом. От меня пахло сексом. Я чувствовала, что он на грани по тому, как он начал прижимать меня к себе все сильнее, сжимая мою тонкую талию и поглаживая грудь. «На колени, моя девочка.»

И я встала на колени. Если у меня и появилась мысль о том, что кто-то может увидеть, то лишь на секунду, потому что мозг был затуманен. «В рот, быстро. Смотри мне в глаза.» Я подняла на него взгляд и замерла. Знаешь, что я там увидела? Любовь. Неподдельную, искреннюю, поглощающую. Его темные глаза говорили мне о том, что я любима.словно в знак доказательства он провел рукой по моим губам и подвинул к члену, который уже стоял прямо у меня перед лицом. Он трахал мое горло, рот, заставляя смотреть ему в глаза, говоря, что я шлюха. И я любила его за то, что я такая именно с ним, за то, что он дарит мне чувство надежности и постоянства.

Через минут пять я начала задыхаться, губы опухли и из глаз текли слезы. Он поднял меня с колен одним резким движением и приказал стянуть трусики.

— Теперь засунь их к себе в пизду. Чтобы ни кусочка не выходило.

Я села на скамейку рядом, раздвинула ноги и стала засовывать в себя трусики, вся красная от унижения и неприятного чувства грубой ткани в себе. Он встал между моих ног, заглянул, и засунул еще два пальца, проталкивая ткань дальше. Я ахнула от боли, а он лишь заставил меня открыть рот и плюнул туда, напоминая мне о моем месте. Я — шлюха. И мое тело — его игрушка, с которой он делает все, что ему придет в голову.

— Теперь шлепай себя по клитору. Считай и шлепай.

Я шлепнула пару раз, постанывая от боли и удовольствия, но он был не удовлетворен. Он ушел куда-то в кусты и вернувшись, держал в руках что-то, похожее на розги.

— Раз уж ты делала это не так сильно, буду делать я.

Я плакала и стонала, а он бил. Десять раз, пока я не всхлипывала без сил. Он отбросил розги в сторону и поцеловал меня туда, где было больно, вызвав еще поток слез. «Моя девочка», шептал он... Засунув в меня пальцы, он медленно начал вытаскивать из меня трусики, пропитанные моим соком. Внутри из-за трусиков все было абсолютно сухо. Он достал член и грубо вошел в меня, шлепая по груди. Я плакала, а он шептал мне, больно сжимая попу «Люблю тебя, малыш...»